

Янь Цун бережно переложил джем, после чего отыскал оберточную бумагу и ленту, соорудив вполне приличный подарочный пакет. Глядя, как заботливо он упаковывает подарок, И Сыцзя испытывала удовлетворение, смешанное с едва уловимым, смутным беспокойством. Впрочем, раздумывать об этом она не стала — какая разница, если в итоге всё послужит её главной цели?

В автобусе ладони Янь Цуна повлажнели от волнения. Незаметно вытерев их платком, он спросил:

— Как думаешь, я понравлюсь той тетушке?

И Сыцзя ласково улыбнулась:

— Разумеется. Наш Эрбао такой милый, перед ним никто не устоит.

Почти сразу Янь Цун пожалел о своём минутном порыве, списав его на нервное напряжение. Задавать подобные вопросы И Сыцзя не имело никакого смысла — она была последним человеком, чьё мнение здесь что-то значило. Остаток пути он провел в молчании. Изредка И Сыцзя принималась давать наставления, на которые он лишь безучастно кивал. Сама же она вовсю предавалась грезам о том, как сблизить Янь Сяна с Цзянь Цуном. В её голове уже зрел план: познакомить мальчиков сейчас, затем перевести сына в школу Янь Сяна, а там время и совместная учеба сделают своё дело, превратив их дружбу в нечто само собой разумеющееся.

Переступив порог особняка семьи Янь, Янь Цун тихо перевел дыхание. Никакого трепета или облегчения от «возвращения домой» он не испытал — это место никогда не дарило ему теплых воспоминаний. Он вернулся ради искупления. Чтобы исправить чудовищные ошибки прошлой жизни, когда слепо шел на поводу у чужой воли, и вернуть растоптанное некогда достоинство. Но прежде всего ему нужно было спасти жизнь своим настоящим родителями.

Хэ Юйвэнь привязалась к мальчику с первого взгляда. Это чувство, необъяснимое и мгновенное, она списала на редкое душевное родство. Притянув Янь Цуна к себе, она ласково сжала его ладонь:

— Сяо Цун, заглядывай к нам почаще. У меня ведь растёт сын, твой ровесник, вы даже родились в один день. Уверена, вы станете отличными друзьями.

"Нет. Ни за что. Мы с ним заклятые враги. В прошлой жизни он сжил меня со свету, но в этой я не позволю ему торжествовать."

— Тё-тётушка... — робко проговорил мальчик. — Я принес подарок, который сделал сам. Надеюсь, вам понравится.

Узнав, что подарок сделан руками гостя, Хэ Юйвэнь неподдельно удивилась. Приняв из рук

Янь Цуна нарядный пакет, она бережно развязала ленту. Внутри обнаружились две простые стеклянные баночки без каких-либо этикеток. Сквозь неплотно притертые крышки уже просачивался упоительный, сладкий аромат.

— Ты приготовил это сам? — спросила она.

Янь Цун кивнул:

— Да, это домашний яблочный джем. Не беспокойтесь, он совершенно чистый и безопасный, я обещаю!

Хэ Юйвэнь мягко улыбнулась:

— Какой умелый и заботливый мальчик. Конечно же, я тебе верю. Редко встретишь мальчишку твоего возраста, который увлекается подобным. Я приятно удивлена.

— Я с самого детства люблю готовить, — поделился Янь Цун. — Постоянно смотрел кулинарные передачи и читал книги с рецептами. Когда немного подрос, начал пробовать сам. Пускай пока получается не всё, но я уже могу изредка порадовать домашних обедом.

Хэ Юйвэнь не удержалась и ласково погладила его по голове. Волосы у мальчика оказались мягкими, точь-в-точь как у неё самой. «И впрямь судьба», — подумала она, чувствуя, как сердце наполняется нежностью к этому чужому, но такому родному ребенку.

— Значит, у тебя настоящий талант. Я чувствую этот чудесный яблочный аромат даже сквозь стекло.

Своего настоящего отца, Янь Цзяня, как и самого Янь Сяна, Янь Цун в тот день так и не увидел. Как пояснила Хэ Юйвэнь, у Янь Сяна сегодня были дополнительные занятия, и он должен был вернуться только к ужину. Стоило зайти об этом разговору, как И Сыцзя принялась на все лады расхваливать мальчика, восторженно рассуждая о его прилежности, упорстве и блестящем будущем. Со стороны это казалось вежливой лестью в адрес хозяйки дома, но Янь Цун прекрасно понимал: на самом деле женщина упивалась гордостью за собственную плоть и кровь. От этого притворства его едва не вывернуло наизнанку.

Едва гости ушли, Хэ Юйвэнь поспешила открыть подарок. Ей не терпелось попробовать угощение.

Экономка Ван Цзиньмяо отнеслась к затее со скептицизмом:

— Стоит ли? Всё-таки это готовил ребенок, мало ли что. У вас и без того слабый желудок.

— А мне кажется, у него получилось превосходно, — мягко, но упрямо возразила Хэ Юйвэнь. — Не переживай, я попробую совсем чуть-чуть.

Ван Цзиньмяо лишь вздохнула. Принесла стакан теплой воды и десертное блюдо, она аккуратно выложила ложечку янтарного джема.

— Только эту порцию. Больше ни ложки.

— Мой желудок — вечное наказание, — негромко посетовала Хэ Юйвэнь. — Владеем ресторанным бизнесом, а я толком и поесть ничего не могу. Обделила меня судьба радостями жизни.

— Глупости говорите. Вам всего лишь нельзя холодное и продукты с химикатами.

С улыбкой отмахнувшись от ворчания экономки, Хэ Юйвэнь зачерпнула немного джема. Стоило лакомству коснуться языка, как тонкий, освежающий аромат заполнил всё её существо. Идеальный баланс сладости и кислинки дарил истинное наслаждение, а вкус спелых яблок раскрывался на удивление ярко. Обладая от природы чуткими рецепторами, она с первой же пробы уловила уникальность десерта. В составе были лишь яблоки и мед. И если мед использовался самый обычный, то сорт яблок определенно превосходил всё, что ей доводилось пробовать раньше. Это было непередаваемо вкусно.

Она съела три ложки подряд, и блюдо мгновенно опустело.

— Сестра Ван, принеси еще, пожалуйста. И достань тот бисквит, что я испекла утром.

Ван Цзиньмяо, уловив доносящийся аромат, удивленно приподняла брови:

— Неужели настолько вкусно?

— Попробуй сама, — заговорщицки подмигнула Хэ Юйвэнь. — Вышло даже лучше, чем у нашего Лао Яня. Удивительный мальчик. Конечно, тут дело еще и в превосходных яблоках, но контролировать огонь при варке он умеет мастерски. Тебе точно понравится.

Ван Цзиньмяо сомневалась, что маленький мальчик способен сотворить кулинарный шедевр, однако безупречному вкусу хозяйки доверяла безоговорочно. Хэ Юйвэнь редко хвалила чужие блюда. Даже кулинарные изыски мужа удостаивались от неё лишь сдержанного «весьма недурно» или «хорошо». Слово «мастерски» из её уст было признанием высочайшего уровня.

Попробовав немного джема, экономка убедилась: вкус и впрямь был безупречным. Но поразило её другое — после первой же ложки на душе вдруг стало легко и радостно. За долгие годы службы в этой семье Ван Цзиньмяо научилась разбираться в тонкостях кулинарии, и подобный эффект вместо восторга вызвал у неё смутную тревогу.

— Действительно, превосходно... — медленно произнесла она. — Но скажи, у тебя не появилось ощущения, будто от этого джема мгновенно улучшается настроение?

Хэ Юйвэнь согласно кивнула:

— Вот именно. Какое-то волшебное чувство. Сразу становится так легко. Наверное, это потому, что сам мальчик очень располагает к себе.

Ван Цзиньмяо нахмурилась:

— Пожалуй, стоит отправить его в лабораторию на анализ.

Хэ Юйвэнь растерянno посмотрела на неё, но быстро сообразила, к чему клонит экономка.

— Но ведь это всего лишь ребенок.

— Мальчик-то ребенок, и мне он тоже показался славным. Но его мать? С И Сыцзя нельзя терять бдительность.

Хэ Юйвэнь снисходительно улыбнулась:

— Ты как всегда излишне подозрительна. Но пусть будет по-твоему. Отправь на экспертизу совсем немного, остальное не трогай. Это всё-таки подарок, и я хочу съесть его сама.

Когда Янь Цзянь вернулся домой, он застал жену на диване в гостиной в крайне расстроенных чувствах. Рядом с ней с виноватым и беспомощным видом стояла Ван Цзиньмяо. Обеспокоенный, он тут же подошел к ним:

— Что случилось?

— Как Сяо Сян мог так поступить?! — возмутилась Хэ Юйвэнь. — Он вдребезги разбил банку с джемом, которую мне подарил Сяо Цун! Это же чужой подарок! В конце концов, это просто вопиющее невежество!

Янь Цзянь, не понимая, о ком идет речь, недоуменно нахмурился. Ван Цзиньмяо поспешила разъяснить ситуацию:

— Сяо Цун — это сын И Сыцзя, тот самый мальчик, что родился в один день с нашим Сяо Сяном в той же больнице. Госпожа вчера изъявила желание повидаться с ним, и сегодня, пользуясь выходным, И Сыцзя привела его в дом. Мальчик преподнес хозяйке яблочный джем собственного приготовления. Десерт оказался на редкость хорош, и госпожа захотела угостить

им молодого господина. Но стоило ей похвалить чужого ребенка, как Сяо Сян вышел из себя. И вот...

Для обычной семьи это, быть может, и сочли бы пустяком, но только не для клана Янь. Поступок Янь Сяна выдавал крайний эгоизм и невоспитанность. Но хуже всего было то, что он довел мать до слез, а этого Янь Цзянь терпеть не намеревался. Лицо главы семейства мгновенно потемнело.

— Я поговорю с ним. Это переходит все границы! — Он на секунду замялся и тут же с беспокойством добавил: — Постой, ты ела то, что принес этот мальчик?

— Да, и он восхитителен, — ответила Хэ Юйвэнь. — Не переживай, мы уже отправили его на анализ. Вот, только что привезли результаты. Можешь сам убедиться, если не веришь.

Заклучению собственной лаборатории Янь Цзянь доверял. Пусть за столь короткое время специалисты успели провести лишь экспресс-тест, документ подтверждал: продукт абсолютно чист и безвреден.

— Слава богу. Не волнуйся больше. Я заставлю его извиниться перед тобой.

Янь Сян побаивался отца, хотя куда больший трепет в нём вызывал дед — старейшина Янь Шоуго. Завидев входящего в комнату главу семейства, мальчик сразу понял, что по головке его не погладят. Но поделаться с собой ничего не мог: его до глубины души уязвляло то, как мать восхищается кем-то другим. Какая разница, что они родились в один день? Он — единственный наследник богатейшей семьи, а этот выскочка — всего лишь сын прислуги. Между ними лежала непреодолимая пропасть. С какой стати мать рассыпается в комплиментах из-за какой-то грошовой банки с вареньем?

— Ты понимаешь, что натворил?

Глядя на единственного сына, Янь Цзянь испытывал лишь глухую досаду. Мальчик не имел ни малейшего таланта к кулинарному искусству, да и не стремился к нему. Сможет ли он в будущем унаследовать семейное дело — оставалось большим вопросом. Отец готов был смириться с отсутствием призвания: в конце концов, хорошему управленцу достаточно иметь твердый характер, безупречную репутацию и целеустремленность. Однако Янь Сян не радовал успехами — даже с дорогостоящими репетиторами его оценки оставляли желать лучшего. А сегодняшняя безобразная сцена и вовсе переходила всякие рамки. В роду Янь никогда не терпели подобного неуважения.

Янь Сян понурил голову:

— Я не должен был расстраивать маму. Но я не хочу, чтобы меня с кем-то сравнивали.

— Твоя мать просто обронила пару добрых слов! Она увидела этого мальчика впервые в жизни, и это стало поводом для твоей истерики? А если бы осколки стекла ранили кого-нибудь? Ты прекрасно знаешь, как слаба твоя мать, ей противопоказаны любые потрясения!

В душе Янь Сяна вскипела горечь. Отец буквально боготворил жену, не замечая вокруг больше ничего и никого. Взаимная любовь родителей — вещь прекрасная, но мальчик чувствовал себя обделенным вниманием. В других семьях дети всегда стояли на первом месте, здесь же его заставляли плясать вокруг матери наравне с отцом. И эта роль ему претила.

— Я виноват, — буркнул он. — Пойду извинюсь перед мамой.

— Одних извинений мало. Ты напишешь подробное покаянное письмо, чтобы хорошенько обдумать своё поведение!

Янь Сян едва сдерживал ярость, но перечить отцу не смел. Стоило родителю в наказание отправить его в поместье к деду, и его веселая жизнь закончилась бы в тот же миг.

— Хорошо, — кивнул он. — Сначала я попрошу прощения у мамы, а потом сяду за письмо.

Пока Янь Сян корпел над покаянным письмом, Янь Цун уже растапливал очаг в своем карманном пространстве. Системный статус «Дома» гарантировал поддержание безопасной для жизни температуры и влажности, однако «безопасный» вовсе не означало «теплый». Сейчас внутри деревянной хижины термометр показывал двадцать шесть градусов — вполне комфортно, если не снимать верхнюю одежду. Но на дворе стояло лишь начало зимы. В крещенские морозы тонкие стены из наспех подогнанных досок не спасут от стужи: без обогрева температура внутри не поднимется выше семнадцати градусов. О тепле следовало позаботиться заранее.

Накормив И-Эр-Сань-Сы и добавив им в кормушку вареный желток, он рассыпал горсть неочищенного проса для Сяо У и её выводка. Закончив с делами, Янь Цун растянулся на кан-лежанке. Жесткий соломенный матрас неприятно колот спину, но мысли юноши были бесконечно далеки от бытовых неудобств — перед его мысленным взором вновь и вновь возникал образ родной матери, которую он видел сегодня.

В его прошлой жизни последние воспоминания о Хэ Юйвэнь были безрадостными: перед смертью она превратилась в высохшую тень самой себя. Слабый от природы желудок делал её здоровье крайне хрупким. Опасаясь за жизнь супруги после тяжелых родов, Янь Цзянь даже решился на вазэктомию, не желая подвергать любимую женщину новым испытаниям. И всё же со временем её недуг лишь обострялся, а с возвращением в их жизнь И Сыцзя состояние Хэ Юйвэнь и вовсе стало катастрофическим.

В прошлой жизни Янь Цун не видел в этом ничего подозрительного, ведь все с самого начала знали о слабом здоровье Хэ Юйвэнь. Её медленное угасание казалось естественным ходом болезни. Но теперь, зная правду, он невольно задавался вопросом: а не приложила ли к этому руку И Сыцзя?

"Женщина, сумевшая повернуть подмену младенцев в тщательно охраняемой больнице, вполне могла найти способ незаметно сжить мою мать со свету. Точно так же, как впоследствии поступил её ненаглядный сынок Янь Сян, шаг за шагом травивший собственного родного отца. Для этих монстров медленное убийство близких никогда не было преградой — они уже проделывали подобное не раз."

<http://bllate.org/book/20137/2131763>